

К ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ В КИЕВЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА П. В. ПАВЛОВА

М. Я. БЛИНЧЕВСКАЯ

В отделе письменных источников Государственного исторического музея, в фонде И. Е. Забелина, а также среди бумаг Н. М. Щепкина нами обнаружены письма профессора русской истории Киевского университета П. В. Павлова, позволяющие внести дополнения в работы, посвященные изучению деятельности Харьковско-Киевского тайного общества¹, поскольку одной из сторон этой деятельности была как раз организация в 1859 г. первых воскресных школ в Киеве. Всего сохранилось два письма П. В. Павлова к Н. М. Щепкину и шесть писем к И. Е. Забелину (от 3 ноября 1850 г., 13 ноября 1856 г., 14 января 1857 г., одно недатированное, от 6 октября 1859 г. и 24 апреля 1867 г.).

Особенно интересно в этом отношении письмо П. В. Павлова от 24 ноября 1859 г. Н. М. Щепкину, сыну знаменитого актера, прогрессивному книгоиздателю, владельцу книжного магазина и комиссионной конторы в Москве. П. В. Павлов пишет, в частности: «По желанию вашему, немедленно по получении вашего письма, распорядился след[ующим] образом. Обратился к студентскому педагогическому совету воскресных школ и просил собрать точнейшие сведения о ценах ваших прекрасных дешевых изданий. Один из гг. членов студ[ентского] педагогического совета воскр[есных] школ (г. Бекман) навел справки и означил на вашем же списке ходячие киевские цены ваших изданий, высшие против вашей цифры [...].»

Педагогический студ[ентский] совет воскресных школ предлагает вам следующую, как мне кажется, действительную меру для установления настоящего порядка в книжной русской торговле, которая в вас

¹ А. З. Барабой. Харьковско-Киевское тайное общество 1856—1860 гг. «Исторические записки», т. 52, 1955; Р. А. Таубин. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860—1862 гг. «Вопросы истории», 1956, № 8; Г. И. Ионова. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации (1859—1861). «Исторические записки», т. 57; Р. А. Таубин. Революционер-демократ С. С. Рымаренко, «История СССР», 1959, № 1; Ф. Ястребов. Революционные демократы на Украине. Вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX ст., Киев, 1960; Р. А. Таубин. Я. Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество. В кн. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963.

и г. Солдатенкове нашла наконец истинных представителей. Педагогический студентский совет воскресных школ рекомендует вам двух членов своих, бывших студентов², в комиссионеры. Гг. Левченко и Моравский, на которых указывают гг. студенты, люди весьма умные и испытанной, безусловной честности. Можете через них продавать ваши издания и другие сочинения по настоящим ценам, поручив им от себя под фирмой вашей открыть в Киеве книжный магазин. Для этого всего естественнее, при посредстве этих господ, нанять самое обыкновенное, не слишком дорогое помещение для вашего магазина, а гг. Левченке и Моравскому в вознаграждение за труды уступить небольшой процент с каждой проданной книги. Предполагаемый к открытию магазин под фирмой вашей будет иметь несомненный успех, ибо торговля в нем будет основана на истинных началах. Избранным педагогическим советом воскресных школ комиссионерам вашим вы можете выслать подробную инструкцию касательно ведения дел. При этом не забывайте, что комиссионеры ваши будут находиться под нравственным контролем педагогического совета воскресных школ, след. университета и общественного мнения лучших людей в Киеве. Итак, гарантия успеха вашего предприятия — во 1-х, нравственный контроль университета и общества, во 2-х, ум и честность ваших комиссионеров. По получении моего письма советую не замедлить ответом, потому что в декабре я [...] перейду на ученую службу в Петербург (на первый раз по необходимости в училище правоведения). Во всяком случае прошу адресовать:

В Киев. На Подол, в Киево-Подольское дворянское училище. Г-ну штатному смотрителю училища Ивану Ивановичу Слепушкину. Для передачи Якову Николаевичу Бекману.

Так необходимо распорядиться, имея в виду мой отъезд.

Надо полагать, что бесплатные воскресные школы для рабочих оснуются во всех университетских городах. Поэтому на началах, предложенных выше, вы можете открыть ваши магазины во всех учебных округах и, таким образом, создать окончательно правильную народную книжную торговлю в России. В дополнение к проекту, которого сущность вам сообщил, надеюсь, проездом через Москву, по поручению педагогического студентского совета воскресных школ сообщить вам много любопытного и, смею думать, общепользовного. Дело в том, что гг. студенты Киевского университета удостоили меня чести сделать своим комиссионером в Петербурге, особенно по делу сношения с тамошними гг. студентами³.

Письмо Н. М. Щепкина, на которое отвечает П. В. Павлов, до нас не дошло, и поэтому не все до конца ясно и в процитированном отрывке. Вероятнее всего, говоря о «ценах ваших прекрасных дешевых изданий», Павлов имеет в виду вообще издания Н. Щепкина или Щепкина и Солдатенкова: именно в это время ими начато было первое собрание сочинений Белинского, пользовавшееся очень большой популярностью у читателей; изданы собранные А. Афанасьевым «Народные русские сказки» и «Народные русские легенды»; несколько ранее изданы были также сборники стихотворений Огарева, Кольцова (1856), Полежаева (1857) и т. д.

Правда, в какой-то мере о содержании письма Н. М. Щепкина можно судить по хранящемуся в том же архиве письму к Щепкину от профессора Харьковского университета Д. И. Каченовского от 21 ноября 1859 г., являющемуся, по-видимому, ответом на письмо Щепкина Каченовскому аналогичного с письмом его Павлову содержания. В этом

² Членами педагогического совета воскресных школ могут быть и не студенты (Прим. П. В. Павлова).

³ ГИМ, ОПИ, ф. 276, ед. хр. 56, лл. 3—4об.

письме Каченовский пишет, между прочим: «Мне удалось навести некоторые справки о цене ваших изданий... Книгопродавец Апарин действительно иногда надбавляет цену по произволу⁴ [...]. Так, за первый том Белинского он заставлял себе платить два рубля; на других книгах выставял свои цены — зачеркивая или истребляя настоящие [...]. К сожалению, я затрудняюсь пока указать Вам на комиссионера, в честности которого я бы не сомневался. Надо [...] поискать и попробовать. Вы можете быть уверены, что я не откажу в своем содействии полезному делу распространения ваших изданий»⁵.

Не удалось выяснить, писал ли Н. М. Щепкин Я. Н. Бекману (интересно, между прочим, что переписку предполагалось вести через «благонадежного Слепушкина»), удалось ли хотя бы в какой-то мере Я. Н. Бекману, М. Д. Муравскому и М. Ф. Левченко реализовать свой план. Можно лишь предполагать, что во всяком случае, поскольку очень скоро все трое были арестованы, многого сделать они безусловно не успели.

Однако при всех неясностях процитированный нами отрывок письма Павлова очень интересен: он представляет собой единственное свидетельство об остававшейся неизвестной до сих пор попытке руководителей Киевско-Харьковского тайного общества использовать и такую легальную форму революционной пропаганды, как книжный магазин, воспользовавшись для открытия его содержавшейся, по-видимому, в письме Н. М. Щепкина просьбой к Павлову «указать [...] на комиссионера, в честности которого [...] бы не сомневался», как пишет в своем ответе Каченовский.

Изложенный в письме П. В. Павлова от имени педагогического студенческого совета воскресных школ⁶ проект еще раз свидетельствует о том, что хотя воскресные школы «для рабочего сословия» были открыты в 1859 г. в Киеве, как сообщалось в печати того времени, «под руководством профессора Г. Павлова и смотрителя Киево-Подольского дворянского училища, г. Слепушкина»⁷, фактическое руководство воскресными школами в Киеве принадлежало членам так называемого Киевско-Харьковского тайного общества: П. В. Павлов называет членами педагогического студенческого совета воскресных школ в Киеве активных членов тайного общества Левченко и Моравского (имея, конечно, в виду М. Д. Муравского); интересно, что называет он их «бывшими студентами»; любопытна и его оговорка, что «членами педагогического совета воскресных школ могут быть и не студенты».

Кроме того, письма позволяют в известной мере прояснить и общественно-политическую позицию самого П. В. Павлова в то время и прежде всего его роль в создании первых воскресных школ в Киеве, его понимание целей и задач, стоявших перед этими школами. Это важно тем более, что до последнего времени взгляды его за недостатком материалов весьма противоречиво освещались в нашей историографии. Так, например, один из современных исследователей пишет об «общих политических взглядах» Бекмана и Павлова, о «революционно-пропагандистской деятельности» последнего⁸, другой — о том,

⁴ Интересно, что Чернышевский также писал, приветствуя в конце 1857 г. открытие книжного магазина Щепкина: «В Москве издается Кольцов по 50 коп. сер.; цель издателей — сделать стихотворения народного поэта доступными массе. Что ж делается? Книга эта [...] продается по 75 коп., даже по 1 рублю» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 967).

⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 276, ед. хр. 55, лл. 1 и об.; ср. также письмо Каченовского Н. М. Щепкину от 9 февраля 1860 г. (там же, лл. 3—3об.).

⁶ Отметим, кстати, что цитируемое письмо содержит наиболее раннее из известных нам упоминаний об этих советах.

⁷ См., напр., корреспонденцию из Киева в «Московских ведомостях» от 20 ноября 1859 г., содержащую, в частности, интересные подробности об открытии первой воскресной школы в Киеве.

⁸ А. З. Барабой. Указ. статья, стр. 245, 259 и др.

что Павлов — лишь «пример того, как передовая интеллигенция описываемого периода объективно помогала делу революционной борьбы, доводя критику самодержавия до предела, за которым должен был последовать призыв к революции. Однако такой призыв от нее не исходил», о «либеральной сущности взглядов» П. В. Павлова⁹, третий же вновь о том, что Бекман и Павлов «сошлись во взглядах»¹⁰ и т. д.

Еще в 1856 г. Павлов незадолго до отъезда за границу квалифицировал в письме к И. Е. Забелину от 13 ноября как «обыкновенную уловку» в «Киевской каторге» «всяких начальствующих лиц и разных негодяев, за что либо на вас озлобленных», «обращать благороднейшие стремления в противозаконные революционные действия, будто бы угрожающие спокойствию Западного края»¹¹.

В годы подъема общественного движения Павлов особенно сближается с оппозиционно настроенной частью киевского студенчества, принимает, в частности, активное участие в организации первых воскресных школ в Киеве. Однако это отнюдь не значит, что он «сошелся во взглядах» с членами студенческого тайного Киевско-Харьковского революционного общества, хотя, может быть, даже и знал что-то о его существовании.

О том, какова была разница между взглядами Бекмана и его единомышленников, с одной стороны, и взглядами Павлова — с другой, свидетельствуют, например, слова Павлова из того же письма Щепкину от 24 ноября 1859 г.: «Все порядочные люди в Киеве с восторгом читали прошение депутатов дворянских комитетов по крестьянск[ому] вопросу, в котором просьба о хозяйств[енном] област[ном] самоуправлении посредством выборов всех сословий, об отделении судебной власти от администрации, о присяжных судах, о свободе книгопечатания»¹².

Характерны для позиции Павлова и имеющиеся в этом письме ссылки на «нравственный контроль университета и общества» и т. д. (см. выше).

Особенно же интересно для характеристики позиции Павлова его «длинное, предлинное послание» И. Е. Забелину от 6 октября того же 1859 г., отправленное из Киева в Москву через книжный магазин Н. М. Щепкина. Подробно изложив свой взгляд на «путаницу общественных и нравственных отношений в Малороссии правого берега вообще и в Киеве в особенности», Павлов пишет далее о том, что для него «на всем темном фоне рисуется отрадным, светлым явлением местный университет и все, что находится с ним в связи», сообщает некоторые подробности «затей» студентов «на поприще филантропии»: «Студенты [...] именно гг. Вороной, Бекман с товарищами, испросили у начальства разрешение учредить бесплатные воскресные школы для мальчиков рабочих классов, которых будут обучать чтению, письму, арифметике и закону божью (для последнего они избирают годного к делу священника). Студентам угодно было, чтоб я принял участие в их бескорыстном предприятии»¹³. Г-жа Нельговская (содержательница женского

⁹ Ф. Ястребов. Указ. соч., стр. 267—272.

¹⁰ Р. А. Таубин. Я. Н. Бекман и Харьковско-Киевское тайное общество, стр. 407.

¹¹ ГИМ, ОПИ, ф. 440, ед. хр. 72, лл. 103об.—104. Обращение с такими мнениями к И. Е. Забелину в это время представляется не случайным. О взглядах И. Е. Забелина в 50-х — начале 60-х годов см. Н. Л. Рубинштейн. Иван Егорович Забелин. Исторические воззрения и научная деятельность. «История СССР», 1965, № 1.

¹² Там же, ф. 276, ед. хр. 56, л. 4об.

¹³ Это свидетельство противоречит утверждению Р. А. Таубина: «Обсуждая вопрос о путях подготовки народа для участия в революции, члены тайного общества по предложению студента... Вороного и проф. П. В. Павлова (подчеркнуто мной.— М. Б.) приняли решение о том, что главной формой такой подготовки должна стать работа в воскресных школах» (сб. «Революционная ситуация в России...», стр. 413; см. также «Исторические записки», т. 52, стр. 215). Гораздо ближе Р. А. Таубин к истине, когда в одной из своих более ранних работ «Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860—1862 гг.», писал: «Нет оснований ставить знак

пансиона), заодно с своими классными дамами и воспитанницами старшего класса, хочет, подражая студентам, учредить даровую воскресную школу для девочек рабочего класса на тех же основаниях. Надеемся мы также со студентами и любителями открыть бесплатные воскресные чтения популярных книг с нравственными толкованиями для рабочих и слуг, грамотных и неграмотных¹⁴. О разрешении воскресных школ взялся хлопотать один из редакторов «Телеграфа» г. Чернышев. Помещики-студенты собираются учить в каникулярное время крестьянских мальчиков даром. Родственников своих хотят убедить обучать крестьянских девочек. Учебные пособия как в городских, так и в сельских школах будут покупать самые молодые учителя-студенты. Замечу мимоходом, что для мальчиков и девочек в Киевских воскресных школах учебные пособия (азбуки, катехизисы, грифельные доски, перья, бумага, чернила и проч.) будут сверх того покупаться на счет пожертвований частных лиц (профессоров, купцов, ремесленников и проч.)¹⁵. Прошел слух, что многие студенты духовной академии (с некоторого времени сблизившиеся с нашими студентами и чуждающиеся сильно ангельского (монашеского) сана) думают, с разрешения начальства, учить даром, в каникулярное время, крестьянских детей в тех селах, куда поедут на свидание с родителями и родственниками.

Семинаристы высших классов собираются им подражать. Мне иногда приходит в голову, что в городах неуниверситетских гимназисты 7 класса, конечно, с разрешения начальства, могли бы учить в воскресных школах под руководством учителей-филантропов. Мне иногда приходит в голову, что могли бы образовываться филантропические общества с целью народного обучения... Считаю также нужным сообщить, что многие студенты писали о своих затеях на поприще филантропии знакомым им студентам других русск[их] университетов. Чай, и московские уже о том знают! Студентам московским, заодно с петербургскими, еще удобнее действовать, нежели киевским, лишенным железных дорог и других благодеяний цивилизации. *Поддержите нас, господа ветераны, передовые люди наши, вы гг. Щепкины, Корши, Кетчер, Катков, Леонтьев, Кавелин, Калачев и все другие славные деятели нашего обновления!* (подчеркнуто мной.—М. Б.). Очень бы хорошо, если б вы снабжали нас даром или дешево элементарными книжками с картинками, глобусами, планетариями, географическими картами, иконографическими рисунками всякого рода, этнографическими, историческими, естественными и пр. Очень бы хорошо, если б вы снабжали нас волшебными фонарями с солнечн[ым] микроскопом, чтобы при пособии туманных картин поучать народ естествоведению, географии, этнографии, истории. Крайне было бы для всех полезно, если б составилось акцион[ерное] общество для изготовления учебных игрушек для детей, систем ботанических, зоологических, этнографических и проч. из папки, жести, олова, дерева, etc. Несказанно были бы поучительны для народа учебные панорамы, косморамы, диорамы. Театр, балаганы, ку-

равенства между взглядами П. В. Павлова, с одной стороны, и членов тайного общества — с другой. Став на путь активной подпольной революционной деятельности, члены общества пошли значительно дальше П. В. Павлова» («Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 82).

¹⁴ Через месяц в цитировавшемся выше письме Н. М. Щепкину от 24 ноября того же 1859 г. Павлов сообщал о том, что генерал-губернатор Киевский, Подольский и Волынский, «кн. Ил. Ил. Васильчиков отказал г. Пирогову открыть, при посредстве студентов и любителей, воскресные публичные чтения полезных популярных книг художеств[енного] и элементарно-научного характера с нравствен[ными] толкованиями для взрослых рабочих (в том числе слуг) обоого пола, грамотных и безграмотных, в интересе исправления порочных наклонностей этих бедняков» (ГИМ, ОПИ, ф. 276, ед. хр. 56, л. 4об.).

¹⁵ Из купцов особенно оказались деятельны гг. Лычков, Балабуха и Дегтярев (Прим. П. В. Павлова).

кольные комедии вы могли бы превратить в нравственную народную школу!.. Не улыбайтесь, вникните в дело серьезно, беспристрастно», — восклицает Павлов. «Государство скоро уничтожит путем финансовых операций обязательный сельский труд (речь идет, конечно, о готовившейся крестьянской реформе. — М. Б.). Освобожденные массы должны быть цивилизованы. Средства, на которые осмеливаюсь указывать, — пишет он далее, — пришли бы как раз на помощь железным дорогам, чьих сети ждем мы и не дождемся...

Зная Вас, Иван Егорович, зная Вашу прямую, честную душу, прошу Вас, во имя общего блага, сообщить, насколько найдете то уместным, содержание моего письма всем почтенным господам, названным мною выше, всем, кому следует. Пора поднять в широких размерах вопрос о народном обучении. Г. Щепкин и К^о могли бы снестись с акционерной компанией Струговщикова, Водова, Пахитонова и действовать заодно»¹⁶.

Можно ли сомневаться в том, что цитируемое нами отражает истинные взгляды Павлова? Думается, для этого нет серьезных оснований: дело ведь не в том, кому пишет Павлов, а в том, как и о чем пишет. Только видя в таких «передовых людях», как Катков, Леонтьев, Кавелин, своих единомышленников, действительно «славных деятелей [...] обновления», веря в него, можно столь горячо на многих страницах толковать о средствах, которые сделают по представлению Павлова «освобожденные массы» «цивилизованными».

В свете этих высказываний конца 1859 г. весьма правдиво и искренне звучат слова Павлова в более позднем, относящемся ко времени ссылки его письме от 27 мая 1864 г. из Костромы Н. М. Щепкину — тому, кто «во времена Грановского» проявил к нему «так много участия»: «Мне недавно писали, что моя ссылка прекратится не ранее конца польской революции (?) и окончания дела арестованных в Петербурге по поводу происшествий 1862 г. (!). Это меня очень удивило. К петерб[ургским] происшествиям 1862 г., случившимся после моей ссылки, я не могу иметь ни малейшего отношения. Не знаю хорошенько, кто арестован, когда и за что... Я вел в 1860 г. в Петербурге [воскресные] школы с разрешения начальства и под его контролем, без всяких задних мыслей, а просто для того, чтоб учить». «Я жертва недоразумений — и только!». Хотя в целом письмо написано, конечно, человеком, сломленным арестом и ссылкой. Об этом можно судить, например, сравнивая ту часть письма Павлова Забелину от 6 октября 1859 г., где он пишет о «пуганице общественных и нравственных отношений в Малороссии»¹⁷, с утверждением, имеющимся в только что цитированном нами письме его Щепкину: «К польской иезуитско-шляхетской революции, сделанной во имя польской национальности против манифеста 19 февраля 1861 г. и интересов народа, не только в Белоруссии и Малороссии, но и в самом царстве, я также не мог иметь ни малей-

¹⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 440, ед. хр. 71, лл. 109—112. Возможно, что последняя фраза послужила в какой-то мере поводом для названного выше письма Щепкина Павлову. Известный интерес представляют также те части послания Павлова Забелину, где он называет меры, которые предполагается предпринять на естественном, физико-математическом, юридическом отделениях Киевского университета (для того, чтобы «студент, этот лучший член нашего общества, связался бы невидимыми тесными узами со всеми сторонами окружающей его больной общественной среды и способствовал бы ее улучшению»), рассказывает о переданном им попечителю Киевского учебного округа Н. И. Пирогову своем проекте «городского кабинета для чтения с литературным собранием», на учреждение которого «обещал пожертвовать значительную сумму» проезжавший через Киев Кокорев, а также излагает причины, по которым он переходит на службу в Петербург (там же, лл. 112—114 об.). То, как пишет здесь, кстати, Павлов об И. В. Вернадском и миллионере и либеральном публицисте В. А. Кокореве, литературную и общественную деятельность которого систематически разоблачал «Современник», также очень характерно для его позиции в это время.

¹⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 440, ед. хр. 72, лл. 109—110 об.

шего отношения. Я даже имею твердое основание полагать, что меня погубила иезуитско-шляхетская партия, действуя руками русского правительства, действуя преимущественно чрез свою контр-полицию (т. е. поляков и польских агентов, служащих в III отделении) [...] за воскр[есные] школы, в которых в Белоруссии и Малороссии (правого берега Днепра) обучали народ *не на польском языке, а на русском*¹⁸. Однако это — уже другая тема, выходящая за рамки настоящего сообщения, не ставящего перед собой задачу дать всесторонний, подробный анализ взглядов Павлова и их эволюции.

Приведенные же здесь наиболее характерные отрывки из писем Павлова Н. М. Щепкину и И. Е. Забелину достаточно определенно, как нам представляется, характеризуют взгляды П. В. Павлова, просветителя, прогрессивно мыслящего и оппозиционно настроенного, очень популярного среди студентов профессора («Грановский Киевского университета»), однако отнюдь не революционера и не политического деятеля.

Дополняя новыми штрихами, конкретизируя в какой-то мере уже известное исследователям об отношениях Павлова с Бекманом, Муравским и другими членами студенческого педагогического совета воскресных школ, эти письма свидетельствуют вместе с тем о связях Павлова с либералами, о его стремлении заручиться их поддержкой при создании воскресных школ, привлечь их к сотрудничеству в этой области. Они показывают, кроме того, какое большое значение придавал Павлов воскресным школам, насколько детально входил даже в такие вопросы, как характер и источники получения учебных пособий, организация продажи для воскресных школ хороших книг по дешевым ценам и т. д.

Содержание названных выше писем П. В. Павлова заставляет, как нам представляется, согласиться в этом частном вопросе с точкой зрения М. Лемке, сочувственно процитированной Ястребовым, писавшим о том, что в деле организации воскресных школ было два течения: «Павлов, твердо убежденный в том, что распространение знания постепенно, но неминуемо трансформирует наше полуазиатское общество, и любивший выражать свою мысль в словах: *«la revolution par l'école»*, и работавшая с ним молодежь, искавшая в воскресных школах революционизирующего фермента»¹⁹.

О том же писал в свое время и Б. П. Козьмин²⁰.

¹⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 276, ед. хр. 60, лл. 118 об.—119 об. Это письмо Павлова значилось в бумагах Щепкина как письмо «какого-то ссыльного поляка-демократа». Автор его установлен нами по почерку, содержанию письма и подписи («П. П.»).

¹⁹ Ф. Ястребов. Революционные демократы на Украине, Киев, 1960, стр. 271.

²⁰ «Красный архив», 1931, т. II (45), стр. 173.